

Жан Пинг. Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке.

Опыт Габона. Москва, 2004. 158 стр.

Жан Пинг (1942 г.р.) – видный африканский государственный и политический деятель из Габона получил образование в Парижском университете (Пантеон – Сорбонна), где закончил факультет права и экономики, став обладателем ученой степени доктора экономических наук. На протяжении своей политической карьеры Жан Пинг занимал немало ответственных постов, в том числе пост посла Габонской Республики при ЮНЕСКО (1978 – 1984), директора Кабинета президента Габона, члена правительства Габона, возглавлял министерства информации, шахт и энергетики, планирования, был министром иностранных дел (1999 – 2008), а в 2004 г. исполнял обязанности министра иностранных дел, сотрудничества и франкофонии Республики Габон. В 2004 – 2005 гг. он занимал пост президента Генеральной Ассамблеи ООН. Одновременно Жан Пинг является исследователем проблем развития Африканского континента, автором научных работ. В 2004 г. Ученый совет Института Африки РАН (г. Москва) присудил Ж.Пингу звание почетного доктора за выдающиеся заслуги в области изучения Африки – ее истории, экономики и культуры, а также за личный вклад в развитие сотрудничества между Российской Федерацией и Габонской Республикой, и издал рассматриваемую ниже работу автора в переводе на русский язык в формате монографии.

Жан Пинг – выходец из смешанной семьи, где отец по происхождению китаец, занимавшийся торговлей, который в 30-е годы XX века переселился в Габон; а мать – африканка, дочь вождя племени. Отец Пинга принял католичество по примеру своего отца. Жан Пинг также стал католиком.

Монография автора «Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке. Опыт Габона» лежит в русле стратегии «Новой африканской перспективы», центральное звено которой составляет диалог Африки с существовавшей в период издания книги «Большой восьмеркой», куда входила и Россия. Задачей этой политики была реализация стратегии, получившей название «Новое партнерство для развития Африки (НЕПАД)». Автор хочет быть услышанным, а потому стремится вести диалог «в

конструктивном духе», не замалчивая «слабостей и противоречий, характерных для международного сообщества».

Основным объектом критики Жана Пинга является идеология либерализма и предлагаемая политика развития, основанная на привнесении промышленно развитым Западом в развивающиеся страны экономических рецептов, которые у себя западные страны применяли на более зрелой стадии развития, а также на требовании обеспечения таких «рычагов» развития как отказ от государственного регулирования и «открытость» рынков развивающихся стран для иностранного капитала.

Автор критикует такую якобы единственную возможную стратегию развития для бедных стран, «направленную на форсированную интеграцию в мировую экономику ценой отказа от какой-либо государственной политики, кроме политики гарантирования иностранных инвестиций и обеспечения функционирования тех структур, которые необходимы для их безопасности» (с.4), результатом чего является наблюдаемый и все более углубляющийся разрыв между странами бедными и богатыми. Африка же постоянно оказывается на последнем месте по социально – экономическим показателям. Критика автора затрагивает и такие экономические меры Европейского Союза, как высокие таможенные пошлины на переработанную в Африке сельскохозяйственную продукцию, как декрет Всемирного банка на выдачу Африке разного рода субсидий, что, в частности, дестабилизирует производство хлопка на континенте, тогда как этот вид деятельности служит источником существования миллионов африканцев, как приватизация, фактически означающая удушение инициативы местных предпринимателей и отказ от государственного регулирования экономики, ведущее к подрыву начавших в Африке развиваться отраслей промышленного производства, и т.д. Автор ставит вопрос о том, что к Африке применяются «двойные стандарты» в зависимости от «мощи» той или другой страны (с.5).

Одновременно Жан Пинг высказывает целый ряд соображений, касающихся защиты Африкой собственных интересов и мобилизации ею своих внутренних ресурсов, в частности, путем региональной интеграции национальных экономик и объединения усилий в деле ликвидации конфликтов и установления мира на континенте, а также использования дипломатии в качестве основного средства урегулирования спорных

вопросов. Демократию автор рассматривает как условие реализации политического плюрализма, прав человека и основных свобод, равно как и формирования «человеческого капитала».

В целом книга безусловно интересна тем, какие акценты автор расставляет в своем видении и анализе африканской реальности. Акценты же эти свидетельствуют о бескомпромиссной установке автора на развитие Африканского континента и на необходимость преодоления в отношении Африки сложившихся стереотипных представлений, обусловленных, как утверждает автор, концепциями релятивизма культур, цивилизационной специфики, культурной самобытности, как бы выводящих Африку за пределы вектора развития. Однако, как представляется, лучше было бы сказать – обусловленные недооценкой роли культурно—цивилизационных факторов и культурно—исторического наследия в современном африканском развитии. Мысль же автора, в сущности, проходит красной нитью через всю работу, хотя специально анализу цивилизационного фактора и социальных проблем автор внимания не уделяет, но принципиально важные моменты, связанные с культурно-исторической самобытностью континента, присутствуют и не только в подтексте. Временами соответствующие мысли находят вполне конкретное выражение в связи с характеристикой социально — культурного состояния африканского континента. Так, например, говорится: «Африка не может уже завтра путем простого декларирования трансформировать полуфеодальные, архаические и трибальные структуры в современную демократию» (с.53). Или еще: «Выборы, революции или государственные перевороты могут устранить правящий класс, но они не могут по мановению волшебной палочки изменить культуру и нравы» (с.63). Автор также дает понять, что в период независимости появилась африканская концепция культуры и традиций негроидных народов, которая расценивается критиками как «тормоз развития» (с.10), в частности, в работе исследовательницы Аксель Кабу «А что если Африка отказывается от развития?». Отвергая эту позицию, Жан Пинг одновременно отвергает и «готовые модели», игнорирующие «местные социальные и исторические реалии» (с.90). Конкретного же анализа этих реалий здесь нет.

Будучи убежденным противником западного универсализма и экономических теорий, базирующихся на упрощенных универсалистских утверждениях (с.51), Жан Пинг в то же время приветствует значимые на

Западе ценности как желательные для Африки. «Какое было бы чудо для Габона, – пишет Жан Пинг, – если бы он сумел интегрировать импортируемые ценности демократии и нормы надлежащего управления в условиях низкой экономической и финансовой конъюнктуры, не имея ни исторического опыта, ни демократической культуры, и в течение одного десятилетия сделать то, для чего другим потребовались века созидания. Сколько времени, например, понадобилось развитым демократиям, чтобы придти к сегодняшним результатам?» (с.64).

О том, какие явления, понятия, проблемы и процессы современного мира интересуют автора применительно к Африке, вне контекста которых он современную Африку не мыслит, говорят ключевые слова монографии: развитие, демократия, государство, свобода, мир, глобализация, интеграция, лидеры. К сожалению в этом перечне нет таких понятий как «культура», «цивилизация», «история». Автор не углубляется в анализ и оставляет главную постановку вопроса за скобками.

Центральная идея книги Жана Пинга сводится к проблеме развития Африки при активном участии государства в условиях глобализации, подчиняющей весь мир закономерностям рынка со всеми вытекающими отсюда следствиями и противоречиями. Все упомянутые понятия относятся к числу условий и необходимых факторов этого процесса. Отсюда следует, что подобная постановка вопроса соответствует принятому на Западе модернистскому подходу вкупе с идеями глобализации. Соответственно, говоря словами Омара Бонго, тогдашнего президента Габона, Ж.Пинг определяет категорический императив современного момента для Африки: «XXI –й век требует от нас, чтобы мы наконец-то перестали ссылаться на прошлое и открыто посмотрели в лицо будущего» (с.112). И от себя добавляет: «Настало время отказаться от стереотипов, сменить очки и взглянуть на нынешнюю Африку другими глазами. И увидеть, что она под влиянием политической и экономической глобализации без особого шума вошла в новое пространство, но вошла на трех разных скоростях. По сути дела выявились три Африки. Одна – Африка главарей банд и «сеньоров» войны, где, как в Сомали, рушится государство, приходит в упадок экономика и социальная сфера, пылают гражданские войны, бесчинствуют террористы...». Существование этой Африки отныне зависит от гуманитарной помощи. Другая Африка – та, которая «активно трансформируется, где

организованно осуществляются экономические, политические и социальные реформы с целью обеспечения мира, установления демократии, надлежащего управления и развития» (с.83). Согласно утверждению африканских лидеров в программе «Новое партнерство для развития Африки», подчеркивает Жан Пинг, «появились признаки прогресса и надежды» и число демократических режимов постепенно приумножается. Наконец, Ж.Пинг называет третий вариант: есть Африка, находящаяся «где-то посередине, на транзитном этапе, которая колеблется между двумя названными Африками, пребывая в неустойчивом равновесии» (с.83). Таким образом, Африка вступила на путь преобразований, и в каждой стране эти преобразования приобретают разные формы. Время же «простых решений», пригодных для любого времени и места, «ушло в прошлое» (с.91). Безусловно, «простые решения» неуместны. Но можно ли отказываться от «прошлого», которое и исключает простые решения?

Что больше всего тревожит автора, так это то, что вопреки предлагавшимся в течение целого десятилетия глубоким и многочисленным реформам Африка, несмотря на многообещающие предсказания и прогнозы, «все больше погружается в политический и социально-экономический маразм, а именно – усугубляется бедность и нищета, капиталы и инвесторы бегут, растет маргинализация и множатся «конфликтные и неправовые зоны» (с.10). И автор обстоятельно анализирует на конкретных фактах и цифрах реальные последствия той «демократической и неолиберальной лихорадки», настигшей *Черный континент*, которая, как мы понимаем, и есть результат ускоренной догоняющей модернизации, *и ставит вопрос о мере ответственности развитых стран и самих африканцев в этом «мрачном контексте», в целом отражая позицию «африканской идеологии» нашего времени в отношении стратегии самоопределения Африканского континента в современном глобализирующемся мире.*

Анализируя процесс развития в целом на фоне общих для развивающихся стран проблем, Жан Пинг рассматривает его, в частности, на примере собственной страны – Габона, страны небольшой, с населением 1,2 млн человек, с так называемым средним доходом. Здесь доминирующей отраслью экономики является нефтяная которая все меньше нуждается в рабочей силе и которая создает в Габоне мало рабочих мест в силу политики иностранного капитала, направленной на снижение издержек производства,

и «навязчивой идеи» рентабельности, соблюдаемой благодаря корпоративному управлению. Поэтому в нефтяной промышленности Габона занято менее 2 тыс. человек, тогда как в государственном аппарате занято 4 тыс. работников, а в лесной отрасли – 15 тыс. (с.151, прим.101). Многие технические кадры, рабочие и служащие иностранных компаний являются обычно выходцами из западноафриканских стран, а инженерно-технический персонал и высококвалифицированные эксперты, оплачиваемые ТНК, «почти все являются иностранцами» (с.13). Даже «неформальный сектор» Габона, основу которого составляет «сметливость, контрабанда и коррупция», не находится в руках габонцев – в противоположность тому, что наблюдается в других странах Африки. Все это оборачивается утечкой капиталов, получаемых от эксплуатации природных ископаемых иностранными компаниями, и уменьшением национального дохода, который должен был бы идти на инфраструктуру, здравоохранение, образование и борьбу с бедностью. Если еще учесть, что половина от 20% доходов, поступающих непосредственно в казначейство, должна уходить по настоянию МВФ на погашение громадной внешней задолженности, то представляется очевидным, насколько проблема увеличения внутренних накоплений становится невыполнимой. Отсюда неудивительно, что «реальный доход» на одного габонца составляет 900 долларов в год, что, согласно официальным критериям, считается порогом бедности в 49 наименее развитых странах (с.132). В этих условиях, по оценке Мирового банка, 23% населения Габона живет в «абсолютной бедности» – с доходом в 1 доллар в день на человека (с.130). В итоге такой показатель, как «индекс человеческого развития», позволяет включать Габон в число стран, где разрыв между экономическим ростом и индексом человеческого развития является наиболее высоким (с.127). Так, в 1999 г. по доле ВВП на душу населения Габон находился на 53-м месте, что характеризует разрыв между уровнями экономического и социального развития (с.127).

И это неудивительно. Еще в год получения независимости (1960) в Габоне отсутствовала базовая инфраструктура: не было ни железных, ни иных дорог, ни портов, гидростанций или мостов, ни градоустройства, ни больниц и т.д., т.е. не было ничего похожего на колониальный Сенегал, Мадагаскар, Конго, Гану, Кению или Уганду «с их современными дорогами, железнодорожными путями, университетами, с зарождающейся

сельскохозяйственной буржуазией» (с.100). Охват населения школьным обучением составлял при колониальном режиме 27% (с.122), и не было в Габоне в годы колонизации ни одного габонца с университетским образованием, ни одного профессора, инженера или врача. До 1973 г. в стране господствовала «экономика собирательства и грабежа колониального типа», базировавшаяся исключительно на экспорте сырья и полезных ископаемых.

Однако, подчеркивает Жан Пинг, в постколониальном Габоне при президенте Омара Бонго и под его руководством была сделана ставка на государство в роли предпринимателя, и с 1974 г. началась 10-летняя «эпопея великих строек» – железных и других дорог, морских и авиационных портов, школьных и медицинских учреждений, водопроводов, электростанций, телекоммуникационной сети и прочих объектов базовой инфраструктуры. В это время государство играло роль «пионера – предпринимателя в деле освоения громадных потенциальных возможностей страны, диверсификации ее экономики, сокращения жесткой внешней зависимости» (с.101). Наступили времена первого этапа модернизации Габона (здесь следует сказать, что понятие «модернизация» в работе едва упоминается, автор этого термина явно избегает – И.К.). В стране были созданы государственные компании (Эр Габон, СЕЕЖ, ОКТРА, ПИЗО, СОНАГРАМ и др.), государство приобрело пакеты акций в стратегически важных предприятиях, принадлежавших многонациональным компаниям (Эль – Габон, Шелл – Габон и др.); в итоге государство стало «первым работодателем страны» (с.101). Охват населения школьным образованием достиг в 1997 г. 90% (с.122).

Однако быстрое развитие имеет свои отрицательные стороны. Так, подъем экономической активности в городах привел к бегству молодежи из деревень в урбанизированные центры, а также к усилению притока нелегальных эмигрантов. По утверждению Ж.Пинга, к 2000 г. Габон стал «самой урбанизированной страной Африки», где 73% населения сосредоточились в городах. Вместе с тем бурный рост городов, приведший к демографическому взрыву в городских поселениях, породил огромные диспропорции между потребностями населения городов и возможностью их удовлетворения, в результате чего города стали «синонимом бедности,

отсутствия безопасности, насилия» (с.102). Процесс урбанизации становился стихийным и не поддавался контролю.

Габон постколониального периода столкнулся с целым комплексом сложных проблем, аналогичных тем, с которыми сталкивается вся остальная Африка. При этом, однако, ситуация в Габоне несколько отличается от положения в большинстве других государств континента, ибо Габон – «атипичная страна Африки, не знавшая войн и активно борющаяся за мир и свободу», тогда как в Африке в период независимости 60-х годов произошло 68 военных переворотов, в ходе которых погиб 21 президент. Здесь происходили попытки территориального раздела, приведшие к войнам (в Конго – Заире, Нигерии, Судане, Анголе, Эфиопии, Сенегале и на Коморских островах), разгорались внутригосударственные межэтнические братоубийственные конфликты (в Конго, Руанде, Бурунди, Судане, Либерии, Сьерра-Леоне), в основе которых лежали, по словам Ж.Пинга, чаще всего «личные амбиции некоторых лидеров, которые использовали этнос, регион или религию в качестве средства достижения и укрепления своей политической власти» (с.17). Вооруженные столкновения в Центральной Африке, ставшей центром неурегулированных конфликтов на континенте, продолжают сеять смерть, страдания и ненависть. Упомянутые конфликты Ж.Пинг рассматривает как следствие политизации национализма на этнической почве, во многом совпавшей с концом «холодной войны» и с наступлением «нового мирового порядка».

Автор сетует на парадокс африканской ситуации, которая заключается в том, что наряду с притязаниями на panaфриканизм и универсализм в Африке наблюдается усиление национальных партикуляризов и обострение межгосударственных противоречий, ибо, оказавшись сегодня в разных государствах, народности «придают порой большее значение социальной солидарности (т.е. в основном родственным связям – И.К.), чем своей принадлежности к данному государству» (с.25), что и порождает риск обострения конфликтов. Это и немудрено, так как в странах Африки далеко не везде и с большим напряжением формируется в массовой среде сознание общенациональной, национально – государственной идентичности, т.е. ассоциирование себя с государством. Здесь по-прежнему над общенациональной идентичностью преобладает сознание принадлежности к роду, племени, этносу.

Соответственно, Ж.Пинг называет кардинальными два взаимосвязанных фактора – проблему мира («самое ценное достояние народов») и проблему государства, без которых немислимо развитие. В плане разрешения конфликтов Ж.Пинг указывает на важную роль дипломатии и диалога, на поприще которых хорошо проявляет себя Габон. Что же касается государства, то ему Ж.Пинг отводит в современной Африке принципиально значимую роль в контексте глобализации.

Автор исходит из того, что в интересах развития Африка должна опираться на собственные ресурсы и проводить более рациональную политику. В этой связи он настаивает на сохранении в эпоху глобализации активной роли африканского государства, хотя повсюду в мире наблюдается «снижение» роли государства (как следствие политической, экономической, социальной эволюции общества, давления внутренних факторов – этнических, религиозных, социальных, а также вмешательства внешних сил), а в Африке, как отмечают специалисты, роль государства ослабевает в большей мере, чем где-либо еще (с.5). В Африке потерпели крушение все попытки государства реализовать себя в разных ипостасях: и как «партию-государство» (в плане политическом), и как «государство всеобщего благосостояния» (в плане социальном), и как «государство-предпринимателя» (в плане экономическом). В этом смысле «весь мир находится на этапе глубоких перемен» и Африка не остается в стороне от планетарного движения, поскольку усилия всякой страны на пути «индивидуального поиска» решения проблем обречена на провал (с.103). Поэтому в ожидании лучших времен африканцам необходимо действовать, руководствуясь по примеру других прагматическими соображениями. Отсюда Габон, как и все африканские государства, «должен видоизменяться, чтобы как можно лучше адаптироваться подобно хамелеону к новой мировой окружающей среде... Он должен сесть, конечно, с осторожностью в поезд прогресса и современности, который на всех парах устремляется в новые времена» (с.105). Хорошо сказано: «сесть...с осторожностью...», но это не все. Любопытно, какие «прагматические соображения» автор имеет в виду, если действительно принять во внимание громадное влияние на процесс развития Африки ее историко-культурного наследия с его чрезвычайно своеобразной общественной структурой и глубоким

воздействием религии на общественное сознание. Какую роль в этой философии играют идеалы и ценности?

Автор полагает, что названные им соображения и подтолкнули Габон к проведению либерализации своей экономики, включая все механизмы, сопутствующие этому процессу: было прекращено регулирование таможенных ограничений на импорт, на цены и другие коммерческие показатели, был принят закон о конкуренции, призванный гарантировать нормальное функционирование рынка, были сокращены тарифные ограничения, таможенные пошлины, был введен налог на добавленную стоимость и т.д. А в результате государство, «сохраняя обязанности в области регулирования экономики и ориентации развития, все больше освобождалось от непосредственной деятельности в сфере производства и торговли в пользу частного сектора, который считается более эффективным и конкурентоспособным» (с.105 – 106). Тем самым, как считает Ж.Пинг, «вездесущее господство» государства – «сердцевина всех экономических отношений» – уступает место государству, концентрирующему свои усилия на выполнении задач в административной сфере, сфере юстиции, безопасности, базовой инфраструктуры и развития человека (с.106). Но в то же время, чтобы извлекать максимум преимуществ из глобализации и минимизировать ее негативные стороны, необходимо адекватное, «надлежащее управление» и «гармоничная политика», для чего государство должно играть «решающую роль» в экономическом развитии.

Своим анализом Ж.Пинг показывает, что в эпоху глобализации активная роль государства в Африке остается совершенно необходимой. Этого требует и охрана окружающей среды, и отстаивание интересов африканских стран перед лицом иностранных монополий, изымающих львиную долю доходов от эксплуатации местных ресурсов и оставляющих крохи на удовлетворение местных нужд, и защита интересов населения, в производственной занятости которого не заинтересован иностранный капитал, и т.д. В этой связи в докладе ЭКА (1997 г.) отмечалось, что, несмотря на «очевидный экономический прогресс в 1996 г., условия человеческого существования в Африке оставались столь же безрадостными, как и всегда», а это означает, что практически две трети населения Африки живет на пороге абсолютной бедности «и даже беднее» (с.127). Помимо всего прочего от

государства в значительной степени зависит привлечение иностранных инвестиций в интересах развития.

Здесь важно подчеркнуть крайнюю необходимость налаживания партнерских отношений с Западом, когда возрастает роль внешнего фактора – нового мирового порядка и процесса глобализации. Однако автор критически относится к призывам западных экспертов следовать «проверенному и единственно возможному» примеру Запада, которые стали настойчиво звучать с конца 80-х годов, с переходом от биполярного мира к миру глобальному, и к пропаганде представлений об универсальном значении этой модели, являющейся, по мысли Фрэнсиса Фукуямы, ответом на все вызовы современности и «окончательной формой общественного устройства». Такая позиция ставит под вопрос идею сильного государства-нации как необходимого «стержня национального единства», как «легитимного гаранта мира, суверенитета, порядка и общенационального интереса» (с.8). И это помимо других угроз, в том числе со стороны пробуждающихся этносов, роста сепаратистских настроений и формирующегося гражданского общества, а также расширения сферы господства частных интересов и роста влияния СМИ, требования региональной автономии и расширения полномочий местных органов власти, политики децентрализации и внедрения «местной демократии» (с.8). Если сегодня еще недавно сильное государство уступает место государству слабому, то в перспективе, возможно, оно будет уступать и «минимальной государственности» – мечте неолибералов, а может быть, и «государству-планете», о чем пишет Тьерри Уолтон в работе «Конец наций».

Как человек, знающий и понимающий африканские реалии, Жан Пинг не разделяет идеи западных теоретиков, провозглашающих «модные сегодня постулаты» относительно того, что «государство в современной его форме» должно быть не только правовым, но, прежде всего – демократическим, что «нет развития без демократии», что необходимы глубокие политические реформы и широкие демократические преобразования. Таким образом, демократия, еще каких-нибудь два десятилетия назад считавшаяся несовместимой с развитием, стала предпосылкой, необходимым условием развития (с.8). Жан Пинг ставит вопрос о другом подходе, подходе «наоборот»: «без развития нет демократии» (с.53). Габон, вошедший в ту часть Африки, которая

«решительно вступила на путь реформ», стал одним из первых государств континента, где « в целом достигнут позитивный результат в плане утверждения свобод» (с.83): здесь нет ни одного политического заключенного, ни одного габонца, высланного из страны по политическим мотивам или приговоренного к смертной казни. Но есть убедительные примеры того, что диктатура может содействовать развитию, в подтверждение чего Жан Пинг ссылается на опыт Китая, гитлеровской Германии и Чили в период правления Пиночета. Он также осуждает критические высказывания западных теоретиков в отношении неоспоримого верховенства государства в социально-экономической сфере в Африке и не согласен с негативной оценкой так называемого «дирижистского» государства как «государства-хищника», как «тормоза развития» (с.9),

В то же время на деле «перед лицом необходимости сочетания политических и экономических реформ» почти все африканские страны, втянутые в бурный процесс глобализации, оказались вынужденными приспособляться и приступить к целой серии структурных реформ. Они отказались от системы «партия—государство», приняли новые конституции, основанные на универсализированных демократических нормах, и провели альтернативные выборы под пристальным наблюдением международных организаций. Одновременно они отказались от «государства всеобщего благосостояния», от «государства—предпринимателя». Отказались они и от «государственного вмешательства», пересмотрели свою макроэкономическую политику и «все отдали во власть рынка» (с.9). В итоге государства отrekliсь от большей части своего суверенитета и лишились «важнейших традиционных прерогатив в области политики, экономики, в социальной сфере»; главными лозунгами стали «надлежащее управление» и жесткая бюджетная и валютная политика; экономика все чаще берет верх над политикой; беспрецедентную роль стало играть «информационное общество», «вытеснившее все другие стороны жизни народов» (с.9).

Автор отмечает, что таким образом эти новые глобальные подходы, игнорирующие конкретные условия отдельных стран и регионов, предлагают африканским странам «упрощенную экспликативную матрицу и универсальный ответ на проблемы», перед решением которых все средства оказались бессильными. Глобальные подходы не учитывают сложности социально-исторических условий африканских стран, в том числе

культурных, религиозных и идентификационных проблем, из-за которых в наши дни этнические и религиозные сообщества ведут самоубийственные войны.

Итак, что же получила Африка в итоге глобализации? Жан Пинг далек от намерения оградить Африку от интеграции в современные процессы, хотя и констатирует, что глобальные подходы не учитывают «всю сложность социально-исторических реалий африканских стран» (с.9). Автор устремлен в сторону поиска выхода из сложившейся ситуации. А заключается она в том, что:

почти все африканские страны оказались втянутыми в «бурный процесс глобализации» и «вынуждены приспособливаться» к целому ряду структурных реформ;

государство в современных условиях лишилось «важнейших традиционных прерогатив» в области политики, экономики (решающей роли в экономическом регулировании) и в социальной сфере (глобализация сводит функции государства к правовому регулированию, деятельности в сфере базовой инфраструктуры и развития человека) и разрушается под давлением внутренних этнических, религиозных и социальных факторов как и вмешательства извне;

африканские государства являются обладателями власти де-юре, а ТНК –обладателями власти де-факто, поскольку «логика компаний далеко не всегда совпадает с интересами наций» (с.24);

в результате «форсированной приватизации трансферт капитала, принадлежавшего государству – нации, уходит под контроль иностранного частного сектора, вследствие чего Африка «больше отдала, чем получила» (с.139);

экономика в итоге «все чаще берет верх над политикой» и становится «главным механизмом социального регулирования» (с.135);

рыночная экономика служит «механизмом кумулятивного усугубления неравенства» (с.135) и приводит к невиданной до сей поры поляризации мировой системы, а для Африки это означает беспрецедентную утечку национальных ресурсов, массовую безработицу и крайнюю бедность;

«победа рыночной демократии» в Африке и внешнее вмешательство приводят к ослаблению порядка и права и к расширению зон конфликтов на континенте.

Хотя в своей книге Жан Пинг рассматривает Африку как специфический и своеобразный континент, требующий особого подхода, в то же время он воспринимает его как часть мира в целом, мира, подверженного разнонаправленным воздействиям процесса глобализации. В результате в Африке, с одной стороны, действуют силы, способствующие объединению и слиянию, что проявляется в росте числа субрегиональных и региональных организаций (ЭКОВАС, АС, САДК, КОМЕСА и др.), а с другой – расколу и разъединению, о чем свидетельствует усиление микронационализма и обострение межэтнической напряженности, регионального и национального сепаратизма. На тенденцию к объединению ведущие лидеры Африки и делают ставку, определяя стратегию Африки в XXI веке.

Резюмируя и оценивая текущие глобальные процессы, Ж. Пинг констатирует, что глобализация чаще, чем когда-либо, «улыбается сильным и угнетает слабых» (с.135), ибо в отношении Африки и других РС применяются, как уже говорилось, «двойные стандарты» в зависимости от мощи той или другой страны. Африканский же континент (и Габон, в частности) «остаётся на обочине, маргинализируется» (с.98). Автор называет эпоху глобализации сюрреалистической эпохой «триумфа политических и экономических теорий, базирующихся на упрощенных универсалистских утверждениях», и говорит о важнейшей стратегической цели западных держав – под дулом пистолета утвердить на всем земном шаре идеализированную космополитическую рыночную демократию («религию рыночной демократии»), якобы имеющую целью способствовать наступлению «эры нового мирового порядка, мира и процветания» (с.51).

Что же ждет Африку в условиях глобализации? Жан Пинг прогнозирует мрачные перспективы, «если ничего не будет сделано»: углубление неравенства и социальные взрывы, рост бедности, коррупции и отмывания денег, появление новых форм глобального кибертерроризма и организованной международной преступности, расширение торговли оружием, наркотиками и усиление деградации окружающей среды (с.145).

Проблема выхода из сложившейся ситуации справедливо видится Ж.Пингу крайне непростой, потому что глобализация «является фактом» (с.145), новый мировой порядок «устанавливается все прочнее», а возврат к прошлому невозможен (с.144). Поэтому Африка не может оставаться в стороне от «планетарного движения», ностальгируя по давно минувшему прошлому (с.103). Бессмысленно выступать против слепо действующих законов капитализма, которые «управляют миром» (с.104). Несмотря на трудные времена необузданной конкуренции и обожествления законов рынка, необходимо «учиться шагать в ногу со временем» и «максимально адаптироваться, чтобы выжить и не сломаться» (с.99). Плоха ли, хороша ли глобализация, но она «реально существует и к ней надо адаптироваться» (с.104).

Адаптацию к условиям мирового рынка автор считает фундаментальной проблемой, учитывая крайнюю узость рынков большинства африканских стран, отчего возрастает значение «стратегии, ориентированной на внешний мир» (с.104). Поэтому, независимо от воли африканцев, речь идет о необходимости перестройки «в соответствии с требованиями текущего момента» и о движении «вместе с другими народами» по пути, исключающему изоляционизм. В «глобализирующемся и быстро объединяющемся мире» нельзя слишком отставать от других, ибо глобализацию не остановят ни крики, ни слезы, ни зубной скрежет – ничто не заставит этот процесс «существенно отступить» (с.104). Хотя при этом, разумеется, существует риск ошибиться, просчитаться, не достичь цели. И опять—таки напрашивается вопрос: а смысл такого категорического инструментального подхода не в том ли, что он «уже не одно десятилетие заводит африканское развитие в тупик догоняющей модернизации», как подчеркивает И.В.Следзевский.

Жан Пинг убежден в необходимости действовать, отбросив догмы и схоластические схемы, руководствуясь прагматическими соображениями, с тем, чтобы извлечь максимум возможного из «неоспоримо позитивных сторон глобализации» (с.106), одновременно ограждая себя от ее негативных последствий и рассчитывая прежде всего на собственные силы и на коллективные усилия. В подтверждение этой мысли он приводит слова президента Мадагаскара Дидье Рацираки, утверждающего, что глобализация при всех ее минусах дает Африке шанс «быть творцом истории, а не ее

объектом» (с.145). Пинг утверждает, что африканцы в своем подавляющем большинстве понимают это, а потому являются сторонниками мира, демократии и рыночной экономики и, несмотря ни на что, «продолжают рассматривать союз демократии и рынка как ключ к решению проблем отсталости» (с.145).

Однако, спросим мы, насколько все это реально, учитывая множественные факторы торможения, о которых упоминал сам автор? Автор же старается уточнить свою позицию. Он разделяет мнение африканских стран, согласно которому Африка не может двигаться теми же темпами, что и развитые страны, поскольку слаба ее инфраструктура, низок уровень образования ее народов, архаично сельскохозяйственное производство, велик разрыв в уровнях развития. Кроме того, ценности демократии еще не укоренились в глубинах африканского общества. Хотя демократические процессы начались в Африке в 1990 г., «правила новой игры все еще окончательно не отшлифованы» (с.83), еще нет тех «солидных» традиций, нет «опыта демократической практики», а конкретное воплощение демократических принципов «отличается большой сложностью» (с.84).

Жан Пинг много внимания уделяет проблеме демократии. Рассуждая на тему демократии в африканских условиях, он все время пользуется категорией необходимости, которая звучит как категорический императив. Автор говорит о необходимости соблюдения примата права, о необходимости развития демократической политической культуры и концепции демократии, о необходимости строительства и укрепления правового государства, что требует терпения, о необходимости воспитания и образования граждан, особенно руководителей и активистов политических партий в интересах становления демократии.

Процесс демократизации, говорит Жан Пинг, «должен сопровождаться укреплением национального единства, правового государства и надлежащего управления, а также относящихся к этим процессам ценностей и этических норм поведения» (с.89), т.е. уважения жизни, свободы, справедливости, равенства, защиты меньшинств, общественного порядка, республиканской законности, терпимости и солидарности. Жизненно важной является проблема достижения «этнического регионального равновесия» посредством разделения властей и распределения высших государственных

постов между основными игроками. Пока еще голосование зависит от этнической принадлежности, почему в интересах обеспечения такого равновесия требуется создание «дополнительных институтов, могущих корректировать возможные злоупотребления властью автоматическим большинством» (с.90).

Все это так. Но каковы реальные шансы Африки на выживание и развитие в сложившейся ситуации, если развитие — самый сложный вопрос для современной Тропической Африки? Что касается Жана Пинга, то он наблюдает целый ряд моментов, свидетельствующих о происходящих на континенте сдвигах в общественной жизни, утверждающихся идеалах и реальных фактах, говорящих о движении в направлении трансформации африканской действительности. Реальные сдвиги наблюдает и президент Нигерии Олушегун Обасанджо (генерал, бывший глава одного из военных режимов страны), пришедший к власти в условиях гражданского режима в результате выборов, для которого очевиден прогресс в общественном сознании африканцев, в частности, в отношении гражданских прав в сфере политики, экономики и социальной сфере. Поэтому Обасанджо убежден, что «рано или поздно нигерийцы потребуют дивидендов от демократии, а таковыми могут быть только показатели улучшения качества их каждодневной жизни (93). Путь к достижению этой цели, настаивает Ж.Пинг, лежит через развитие в условиях мира и демократии, стремление же к демократии реализуется по-разному — в какой-то части Африки через выборы, а в других странах континента путем свержения диктатуры. Но в любом случае демократия без развития иллюзорна.

Подтверждение установок автора на способность Тропической Африки к развитию мы находим в его ссылках, в частности, на весьма идеализированную деятельность постколониального «дирижистского» государства — предпринимателя, которое ассоциируется с коррупционной практикой этих государств, получивших в научной среде определение «режимов клептократии», по определению Л.Гевелинга. Правда, такая тенденция к развитию, предшествовавшая, как отмечает автор, введению структурных реформ 80-х годов, так или иначе была направлена на модернизацию — строительство дорог, портов, больниц и школ, на управление шахтами и предприятиями, железными дорогами и сферой услуг, на обеспечение социальной защиты, на ведение почтой, связью,

электроэнергетикой, газом, водоснабжением и т.д. (а вернее, как нам думается, на разворовывание национальных ресурсов – И.К.).

Следует признать, что предпосылки для этого процесса возникали в регионах еще в колониальное время, когда тут и там создавались элементы инфраструктуры (дороги, железные дороги, порты, учебные заведения и пр.). И хотя появившаяся инфраструктура служила прежде всего целям эксплуатации местных ресурсов в интересах колонизаторов, местное население так или иначе вовлекалось в новую систему общественных отношений. Об этом говорит и Жан Пинг, упоминая о том, что в колониальный период в ряде стран Западной, Восточной и Центральной Африки (Сенегале, Гане, Мадагаскаре, Кении, Уганде) уже «зарождальась сельскохозяйственная буржуазия» (правда, автор не уточняет, кого он имеет в виду – европейцев или африканцев). Ж.Пинг говорит и о формирующемся в условиях африканских стран гражданском обществе.

Рассуждая о правах человека, которые находятся в «логической связи с развитием свободы и демократии», Ж.Пинг заявляет, что уже сегодня «эта свобода все больше укореняется повсюду в Африке» (с.69), хотя, как известно, в ряде африканских стран, например, в Дарфуре, ЦАР, Сьерра-Леоне, Сомали сама человеческая жизнь ничего не стоит. Но автор ссылается на пример независимого Габона, где, как он пишет, свобода совести, убеждений, высказываний, т.е. свобода слова, получения и распространения информации, гарантируется всем гражданам конституцией, что явилось одним из фундаментальных завоеваний, достигнутых после 1990 г., которое привело к появлению большого числа печатных (государственных и частных) изданий. В результате пресса, являющаяся «настоящим зеркалом общества», и в целом весь спектр средств массовой информации превратился в «катализатор развивающегося демократического процесса» (с.69). По мнению автора, в результате внедрения демократических принципов в Габоне это государство не является более «единственным игроком – субъектом», «единственным обладателем ключей, открывающих двери будущего», теперь оно все чаще уступает дорогу «тройке противовесов»: общественному мнению, праву и СМИ (с.107).

В ходе утверждения демократических ценностей Габон одновременно провозгласил свою приверженность «социальным и традиционным

ценностям», своему культурному и духовному достоянию наряду с уважением «прав и обязанностей гражданина» (с.65). Положения о правах человека внесены в конституции многих африканских стран. Этот идеал в ходе истории «стараниями интеллектуалов» привел на континенте к борьбе за уважение прав человека и фундаментальных свобод.

Все это приметы новой эры, эры знания, в которую вступает человечество. Теперь, говорит Жан Пинг, ключевыми моментами национального развития, обуславливающими конкурентоспособность, являются «человеческие и институциональные возможности» (с.122), в том числе фактор здоровья населения. А это означает, что поступательное движение предполагает развитие системы образования и здравоохранения. Что касается Габона, то Мировой банк в одном из своих докладов отмечал существенное повышение уровня образования населения за годы независимости в этой стране (с.123). Тем не менее результативность деятельности сектора образования невелика, ибо не удалось решить важнейшую проблему – эффективности и качества обучения. Достижения государства в области образования были в основном направлены на расширение охвата населения школьным обучением, тогда как в современную эпоху (цифровых сетей и третьей промышленной революции) важно качество системы образования и ее ориентированность на развитие.

Здесь следует отметить, что качество обучения (прежде всего его неадекватность потребностям страны – И.К.) действительно является слабым местом системы образования в странах Тропической Африки вообще. И потому справедливы слова Ж.Пинга о несоответствии в нынешних условиях числа выпускников школ, лицеев и университетов наличию в африканских странах рабочих мест. Это главная «болезнь», подрывающая всю систему (с.123). Отсюда необходимость обращать особое внимание на качественное научно-техническое образование, на профессионально-техническое обучение, а также на создание специализированных учебных заведений и университетов в области новых технологий, информатики и коммуникаций (с.123). Тем самым автор, подчеркивая нежелание Африки отставать от современности, отражает ее потребность в знаниях и средствах, которые бы отвечали потребностям региона и решению им своих неотложных задач на собственном уровне общественного развития. Тропической Африке нужны образованные специалисты, но важно, чтобы они были готовы решать

местные проблемы и откликаться на запросы местного населения. Пока, насколько можно судить, эта ситуация не внушает оптимизма. Возникает дилемма: как быть Африке с ее по преимуществу натуральным, терпящим бедствие хозяйством и самобытной культурой в эпоху глобальных связей и современных технологий?

Отталкиваясь от реальности информационного общества, Ж.Пинг обращает внимание на вынужденную необходимость учитывать (в силу ускоряющейся глобализации экономики, в частности, Габона) появление новых информационных технологий и средств связи и их осваивать, чтобы содействовать созданию «планетарной деревни» и привносить в нее африканскую специфику в форме африканской культуры, африканских товаров и услуг (с.71).

Автор говорит, что в течение тысячелетий жизнь в Тропической Африке в основном протекала в рамках небольших социальных ячеек (племена, деревни) и главным способом осуществления их социальных связей служило межличностное общение (Но здесь, надо сказать, закрадывается неточность и хочется подчеркнуть, что столетиями в Африке развивались торговые и религиозные сети регионального уровня!). Теперь же, продолжает Жан Пинг, всего за несколько десятилетий «эта система социальных отношений полностью изменилась» (с.69). Теперь средства информации на континенте чрезвычайно многообразны, существует целый набор компактных и групповых средств информации – от листовок, стенных газет, плакатов, громкоговорителей, радио и т.д. до последних достижений современной технологии – интернета, мобильных телефонов, спутниковой связи. Произошла настоящая информационная революция. По сравнению с печатными изданиями (для грамотных) в Тропической Африке более популярно радио, «его слушают все и повсюду» (с.70). Телевидение же в Африке развивается быстрее, чем радио, в том числе кабельное и спутниковое, которое делает открытым доступ примерно к тридцати зарубежным, преимущественно западным, европейским телевизионным станциям, в том числе Си Эн Эн, Евроньюс, ТВ5, Канал+, Би Би Си и др. Тем самым африканцы, включая габонцев, уже живут в «глобальном пространстве свободы», в «планетарной деревне» подобно французам во Франции или американцам в США (с.71). В Габоне быстро распространяется сеть Интернета благодаря государственным и частным структурам, а также «партнерам по развитию» – Агентству Франкофонии, в рамках которого создан фонд Инфорут (в число его основателей входит Габон). И, повторяясь, скажем, что по утверждению Жана Пинга, «информационное общество» в

Африке сегодня вытесняет все другие стороны жизни африканских народов (с.9). А может быть, следует отметить, что информационное общество еще и стимулирует поведение людей и идеологические воззрения, в том числе культурно-религиозные и религиозно-политические сети на уровне региона и на глобальном уровне?

Категорические утверждения автора временами ставят читателя, мало – мальски знакомого с африканскими проблемами, в тупик. Казалось бы, трудно поверить в столь радикальные перемены и сдвиги на континенте. Однако сдвиги сдвигами, а ментальность и психология людей с их привычкой к определенному стилю жизни, характеру поведения и деятельности меняются не так быстро, учитывая культурно-цивилизационные особенности региона, что Жан Пинг прекрасно понимает. Но вместе с устремленными в будущее идеологами и лидерами Африки он настаивает на том, что континент должен вопреки трудностям и рискам осуществлять «первые шаги в третье тысячелетие» (с.112). И он снова и снова повторяет, что для этого требуется создание условий для реального экономического подъема, увеличение числа рабочих мест, продвижение стран по пути «социального прогресса» (с.110). Соответственно, в центре внимания должно находиться (в перспективном плане) развитие «человеческого капитала», этого основополагающего фактора развития (с.122), куда автор включает образование и охрану здоровья. К сожалению в этих планах отсутствует проблема религии – чрезвычайно важный элемент общественного сознания в африканской ситуации.

Проблема, подлинно занимающая Жан Пинга – борьба с бедностью, которая должна проводиться во всемирном масштабе. Но есть ли для решения такой задачи реальная политическая воля международного сообщества, спрашивает Пинг. Ведь для прогресса в таком деле необходимо, чтобы плоды экономического роста более справедливо распределялись между людьми и народами. Автор призывает к «гуманизации» процесса глобализации и мировой политики, к срочному развертыванию борьбы в планетарном масштабе против «чрезмерно углубляющейся поляризации между богатством и бедностью», а также против «всех крайностей и извращений гиперлиберализации» с тем, чтобы в конечном счете «все служило человеку, а не угнетало его» (с.148). В этом контексте он цитирует африканских лидеров, которые, собравшись в Генуе в 2001 г., призвали

основные промышленно развитые страны, объединившиеся в «группу восьми», «совместно управлять глобализацией» вместо того, чтобы «покорно подчиняться ей», и взять на себя «свою часть ответственности» в совместных усилиях, направленных на развитие и умиротворение терпящего катастрофу Черного континента (с.148). Жан Пинг утверждает, что XXI век должен стать «веком развития для всех» (с.148), учитывая, что глобализация экономики требует «глобализации солидарности» (с.149). Это вопрос политической воли и мобилизации международного сообщества, настаивает автор.

Другой фактор прогресса, подчеркивает Ж.Пинг, связан с проблемой единства на континенте, с интеграцией африканских стран, необходимой как для привлечения иностранных инвестиций, так и для усиления переговорных позиций Африки, а кроме того, для извлечения пользы от связей «крупных экономических объединений с африканским общеконтинентальным рынком» (с.115). Без собственной региональной интеграции Африка не сможет интегрироваться в мировую экономику, поскольку без регионального сотрудничества лишь небольшое число африканских стран сможет действительно стать конкурентоспособными на мировых рынках (с.116). Народы Африки, говорит Ж.Пинг, «мечтают об общей судьбе» (с.117). Эту мечту в свое время выразил Кваме Нкрума, выдвинувший идею создания «Соединенных Штатов Африки», а отцы – основатели ОАЕ формулировали в качестве основных базовых целей необходимые для интеграции политические принципы – уважение национального суверенитета и неприкосновенность границ, унаследованных от колониального периода.

Третий принципиально важный фактор прогресса касается качества лидеров. В частности, чтобы достичь мира на континенте, Африка нуждается в исключительных руководителях типа Нельсона Манделы, способных «подняться над страстями и раздорами» (с.20). Роль личности сказывается и на судьбах политических партий, по-прежнему тяготеющих к трибализму, нормой поведения которых остается «стратегия бескомпромиссной схватки» и «постоянная борьба амбиций», имеющая мало общего с идейной борьбой.

Наконец, требуется мир и согласие с собой и с окружающими. Диалог и терпимость – основа метода урегулирования разногласий.

Несмотря на все сложности африканской ситуации, Ж.Пинг остается оптимистом. Он считает, что Африка не является «потерянным континентом», что не существует такого явления, как «фатальность отсталости», обрекающая одни страны на непрерывное обогащение, а другие на постоянную нищету. Он делает ставку на разум, науку, волю и торжество демократических принципов – как внутри Африки, так и в поведении «развитых демократий».

Последнее обстоятельство Ж.Пинг оговаривает особо: а готовы ли развитые демократии повторить в отношении Африки политику, принятую в свое время и воплощенную в Плане Маршалла для Европы, т.е. «оплатить реализацию экономических и социальных прав»? Он уличает эти страны в идеологической непоследовательности, в стремлении отказаться от финансовых и экономических обязательств в отношении Африканского континента. Но разумно ли, вопрошает Жан Пинг, «поджегши порох», не реагировать на призывы африканцев о помощи и не обращать внимания (из эгоизма и безразличия) на то, как «целый континент погружается в пучину деградации и конфликтов»? Не свидетельствует ли сложившаяся ситуация взаимозависимости, или феномен «планетарной деревни», об общности судеб «единой семьи человечества»?

Подводя итог всему сказанному, можно при всех невольных сомнениях в оценке многих сформулированных в книге установок и прогнозов констатировать глубоко положительный факт: Жан Пинг выражает конструктивную позицию африканских лидеров, разрабатывающих стратегию постепенного выхода Африки из кризиса. Многообразны аспекты этой политики, но спрашивается, насколько готовы политики, лидеры африканских государств, превратить теоретические концепции в коллективную волю? И здесь мы так или иначе сталкиваемся с главной проблемой развития Африки, что автор, возможно, имеет в виду, хотя суть дела четко не определяет и не анализирует -- с цивилизационной спецификой континента (особенностями многовековых понятий, представлений, верований, традиций, быта и т.д.), и на этом фоне с ролью человека (личности) на современном этапе африканской истории.

Знакомство с текстом монографии заставляет предположить, что выдвинутая исследователями модель эндогенного развития не-западных

стран с учетом цивилизационных достижений отдельных стран и регионов (а это и является, в частности, предметом исследования Центра Цивилизационных и Региональных Исследований под руководством И.В.Следзевского в рамках Института Африки РАН) до автора данной монографии не дошла. На поверхности (а на деле – по сути!) автор занимает позицию «антицивилизационщика», продолжающего верить в чудеса догоняющего развития и не видящего деструктивный, кризисный характер этого развития.

Хочется верить, что Жан Пинг осознает роль цивилизационного фактора в развитии, но делает ставку на то, что кажется более доступным. Отчасти, может быть, его вводит а заблуждение относительно благополучие Габона периода правления президента Омара Бонго. Но взятая автором на вооружение модель догоняющего развития уже устарела,

И.Т.Катагощина к.и.н., ст.н.с. Института Африки РАН